ВОЛЬДЕМАР ШПААР

Я КРОВНО СВЯЗАН СО СВОЕЙ СТРАНОЙ

СТИХИ,
ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

Р 2
Ш 83

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ш $\frac{4702010202-54}{М\ 138(03)-89}$ 29—89

© Алтайское книжное издательство, 1989.

УЧАСТОК ФРОНТА — ТАЙГА

НА КРАЮ СВЕТА

В железных пульманах
держали курс
в таежный
далекий край мы,
где недобрый рок
от станции конечной —
бездорожьем —
готовил нам
трехдневный марш-бросок.

И вот —
кто с рюкзаком,
кто с чемоданом —
шагнули мы
в безмолвных дебрей зев,

где грезили весною
долгожданной
живые соки вековых дерев.

Идем след в след.
Снега — по грудь.
Похоже,
дремучее и глуше края нет.
И, кажется,
навечно отгорожен
от нас
тайгой сплошною Белый свет.

Передохнуть бы!.. Только я —
звено в той длинной
людской цепи,
хотя и зеленец.
Добро, что впереди
надежный, сильный,
как в кузнице у горна,
мой отец.

О кузница,
над речкою негромкой —
притоком Волги —
как твой горн пылал!
Пылал отец,
колдуя над поковкой,
вдыхая жизнь
в расплавленный металл.

Мне, карапузу, —
в детстве всем неймется —
завидное уменье кузнеца
сверхмудростью казалось,

что дается
не каждому.
Не зря глаза отца
светились
тайной радостью и солнцем...

Не потому ль и нынче он
не гнется
в дороге, у которой нет конца!

Не потому ль размашист шаг
упругий
и нет во взгляде
страха и мольбы,
что сердцем осознал
за дни разлуки —
в том,
в чем всего нужнее
наши руки,
не божий перст —
веление судьбы!..

Вот снова оглянулся
и с улыбкой:
— Устал, гляжу?..
Давай-ка саквояж!..
И я,
крепясь, хриплю в ответ:
— Не шибко!..
И вдруг — постройки,
или вновь мираж?..

Нет, не мираж...
В нетопленых бараках
смертельная усталость
валит с ног...

...Рука отца коснется сна:
— Однако
день новый наступил...
Вставай, сынок!

НАШЕ ОРУЖИЕ

Мороз свиреп.
В снегах искристых, вязких
березы тонут —
кроны лишь видны.
От плена снежного мы их
по-братски
освободим... И прежде чем
по самой первой жахнуть,
вольны, помедлив,
с тихой грустью ахнуть:
— Ну до чего ж прекрасны
и стройны.
И высоки... И звончаты...

А ветер
жжет лица,
кровь и душу леденит.
И никуда не спрятаться,
не деться...
Но память
о стране босого детства
и здесь нам светит,
в души светит и глядит,
и греет, как бывало, у груди
нас наши мамы грели...

И дружнее
взлетают топоры.
И стон окрест...

Стране сегодня —
что всего важнее! —
нужны от нас для фронта
позарез
надежные ружейные приклады,
и потому
выносливый и ладный
и звончатый
мы вырубаем лес.

И вместе с ним —
безмолвным и безлистным —
безмолвно застывают на снегу
и те из нас,
кого свалил недуг.

Но падают березы
в снег искристый,
и каждая из них,
как будто выстрел,
наш выстрел по заклятому врагу...

«ГОВОРИТ МОСКВА!..»

Пурга лютует.
В снег вбивает нас.
Оглохнув и ослепнув,
без дороги,
сдва бредем, не зная —
в этот раз

дотащат ли к баракам
наши ноги.

— Ура!.. Дошли!..
Горячий ужин — впрок.
Но долго еще, долго
гнет нам плечи
и скрежет пил,
барачный потолок,
и все,
чем труд наш будничный
отмечен.

Рукой подать —
закованная льдом
речонка полусонная хлопочет.
На берегу ее —
известный дом —
из бревен неотесанных
сколочен.

В том доме,
в красном уголке для всех,
забыв про бремя тягот
постоянных,
послушать можно будет без
помех
неповторимый голос
Левитана.

Едва раздастся:
— Говорит Москва! —
Война дохнет в лицо
и стиснет сердце...

...О Родина!
Поверь, что не слова —
и мы здесь не за тем,
чтоб отсидеться.

И мы здесь
не себе принадлежим.
Но...
«Г а в а р и т Москва»! —
и замирает
единый фронт солдат,
чьи рубежи
в таежных дебрях северного края.

Еще пуржит —
не враз откроешь дверь,
и ветви сосен шаркают по крыше...
Уходим спать,
но вроде бы теперь —
помягче ветер и пурга потише...

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Похоже, небо —
сплошь из трещин.
Уже который час подряд
под грохот грома
ливень хлещет,
и что ни молния — снаряд.

Уже деревья по колена
в воде,
а лить не устает...

Сдается,
небо непременно
на нас обрушится вот-вот.

Потоп всемирный,
да и только.
И солнце в плен уведено.
Листва промыта, знать,
настолько —
взамен стекла
вставляй в окно...

Но как бы тучи ни теснились,
но сколько б гром
ни грохотал —
лишь первые лучи
пробились,
и мир бояться перестал.

Затренькал, засвистел,
затопал...
И ливень сник... И, гомоня,
у костерков толпимся
скопом,
чтоб обсушиться у огня.

Ведь, что ни говори,
а нормы
дневной
никак не избежать,
поскольку поит нас
и кормит,
жизнь помогает продолжать

нам,
и выносливым, и цепким,

имеющим над лесом
власть...
Не потому ль и небо ценим,
что не даем ему
упасть...

НА ВЫРУБКЕ

В тени покойной
векового леса,
на вырубке,
что памятью больна,
как знак
безжалостного ко всему
железа,
особая под вечер
тишина.

Ее не опрокинет,
не всколышет
ни листодер,
притихший до поры,
ни отдаленный стук,
что еле слышен, —
знать, в деле еще
чьи-то топоры.

И лишь березка, —
надо ж!.. уцелела! —
А может, добрела
из отчих мест
склонить свое
израненное тело
над холмиком могильным,
где не крест,

а куст шиповника
да молочай незрячий.
И, осознав,
что, кажется, жива,
листвою шелестит,
как будто плачет
и не листву роняет,
а слова.

Вечерний сумрак
все плотней, суровей.
С лучом последним
отгорел закат.
Лишь каплями рубиновыми
крови
у ног
плоды шиповника горят.

ДЯДЯ АНДРЕЙ

Он правит топоры,
врачует пилы
и прочий в нашем быте
инструмент.
Но если ты, смурной
или унылый,
пасуешь перед властью
грубой силы —
доверь свою печаль
в любой момент,

поскольку
и глубок, и человечен
душевный склад е

и ясен взгляд,
что чувствуешь невольно —
ты просвечен
и ни к чему темнить,
как говорят.

Нет,
он не добр
той добротой расхожей,
которая не стоит
и гроша. —
Суть доброты его,
скорей, быть может,
в том,
чтоб чужой душе
не помешать

себя излить...
Ну, разве — вдруг
и кстати
тепло промолвить:
— Не горуй!.. Война!..
Но рук его
на сотни жизней хватит,
чтоб рассказать
чем доброта ценна.

Вот он стоит
рядком с тобой
и в пальцах,
изорванных металлом,
вновь поют
пила и рашпиль,
что отнюдь не мало,
чтоб жизнь продлить
нескладную мою...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Май в этот день проснулся
очень рано.
И, чтоб начало дня не упустить,
мы принялись за дело
зло и рьяно,
и вскоре отведенная деляна
на поле битвы
стала походить,
где только ветер
павшим великанам
горел желаньем раны остудить.

Над лесом солнце всплыло.
Дело чести!
К тому ж весна
по буеракам мчит.
И мы,
в предчувствии желанной вести,
без уговора
вдруг собрались вместе
и ждем,
когда ж привычно зажурчит
наш комендант...
И сердце — не на месте —
на всю округу, кажется, стучит.

А тот, что был
до громких слов охочим,
взволнован так,
что взмокла седина.
О чем сегодня будет он
пророчить?
И вдруг слеза из глаз...
Еще одна...

И голос рвется,
радостью грохочет:
— Победа!..
Мир!..
Закончилась война!..

И разом
топоры и пилы — к черту!
Вздохнула с облегчением
тайга.
И, не жалея обуви истертой,
мы пляшем —
травы хлещут по ногам.

— Победа!..
Мир!.. —
подобно речке горной
над Севером,
тайгой тысячеверстной
гремело эхо, вспарывая марь...
И с неба,
что привыкли видеть в тучах
четыре долгих года, —
нет, не лучик, —
Светило
улыбалось нам, как встарь.

ДОЛИНА ПАМЯТИ

Опять в долину отшумевших гроз
меня на крыльях памяти уносит...
...Чуть рассвело.
И свет далеких звезд
бледней и приглушенней в кронах
сосен.

С утра
хор птичий звонок и высок.
Но мы глухи к прекрасным
песнопеньям.
Мы — лесорубы.
И топор — наш бог.
А лес — наш хлеб
и полоса сраженья.

Пусть сосны тянутся, как на смотру,
мы вгоним в дрожь их,
и они, отчаясь,
слезой янтарной изойдя, умрут,
но мы пройдем,
тех слез не замечая.

Бесстрастность наша не для похвальбы:
мол, биты жизнью,
пытаны любовью...
В стране идет война.
И, стало быть,
не зря и лес наш
истекает кровью...

Хвала тебе, тайга.
Хвала и честь.
Сурова ты.
Строги твои законы.
Не будь тебя —
кем стал бы я?.. Бог весть.
Да будет свят
твой дух непокоренный.

Шумит, как встарь,
поднявшись во весь рост,

тайга в долине памяти нелегкой.
И в кронах сосен свет
не звезд — а гроз,
отбушевавших в юности далекой.

В МАЛИНОВОЙ РОЩЕ

«Ребята! Далеко не уходить!»
Мужчины стали вправду как ребята —
помчались, будто гнал их страх крылатый:
вдруг ненароком спрячется овраг
с малиновыми рощами по скатам?!

О как нас били ветви по лицу!
Но времени — в обрез: минуты для обеда,
а план большой, и нелегка победа,
и скуден хлеб — вот и спешили мы
лесной чащобой друг за другом следом.

Осыпаны малиной все кусты,
как стол подарков из ребячьих снов.
В глазах — красно от ягоды лесной.
Во рту горстями исчезает...
Но кончен пир. Пора за дело вновь.

Один из сотоварищей моих
не удержался, чтобы не сказать:
«Теперь домой бы на единый миг.
В родном раздолье только раз вдохнуть
пшеничный дух, степную благодать!»

И улыбнулся, собираясь с силой,
с лица стирая сок малины спелой.
«Идем назад, где топоры и пилы!
Мы не ребята. К делу, лесорубы!»
Над лесосекой дым взвивался клубом...

РЯБИНА

Краса-рябина
входит в осень,
листву бросая лету вслед —
и бережет лишь ягод гроздья,
их соком напоил рассвет.

Пойдут снега —
зима — все злее.
Хрустит мороз. Грозит мороз...
Не страшно!
Ягоды алеют,
под солнцем светятся насквозь.

В далекий путь
идти ей смело
сквозь ветер и ночную тьму,
шагать ей босиком по снегу
к весне, к цветенью своему.

В КОТЛЕ ВЕДЬМ

Из толстых прутьев сплетены канаты —
надежна связь поверженных громад.
Но, как игрушку,
в громовых раскатах
и в пене волн
мой плот втянуло в ад.

Последний луч мелькнул во тьме кромешной.
За облаками — месяц, как во сне.
И берега, с тайгою их безбрежной,
безлюдные, плывут навстречу мне.

Вот впереди — крутые повороты.
Внимание! Разбился вал о вал!
О как же страшен гнев водоворота!
Левей держать! Сильней сжимать штурвал!

Вода вскипает, круто ниспадая,
в котле клокочет, пенится, шипит.
Мой мощный плот то вверх, то вниз бросает.
Кто мне в беде на помощь поспешит?

Плоты плывут, как тучи, мимо, мимо.
И кто-то там смеется: «Посмотри!
Попал он в сети к ведьмочке любимой!
Танцует, как на празднике смотрин».

Вода в свирепом, яростном движеньи.
Фонтаны брызжут. Бешеной волной
меня, как плетью, бьет без сожаленья,
и жалко стонет плот скрипучий мой.

Я весь промок до ниточки, до мозга.
В крови все руки, ноги — как свинец.
Мне жарко стало в воздухе промозглом.
Но я к победе близок наконец.

Налечь на весла! Выиграть сраженье!
Не нужен мне ни бог и ни герой.
За пядью пядь... Еще одно мгновенье
и — на плаву мой плот опять со мной!

Блеснул сквозь брызги первый луч рассвета.
Все позади — и ночь, и буйство волн.
Плывут навстречу берега с приветом:
«Твой долог путь. Так будь терпенья полн!»